

Евгений Ткаченко
ПОПУТЧИКИ

PENOME

Санкт-Петербург

2013

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т48

Ткаченко, Е. А.

Т48 Попутчики / Евгений Ткаченко. — СПб. : «Реноме», 2013. — 160 с.

ISBN 978-5-91918-295-5

Под одной обложкой повесть и рассказ. На первый взгляд нет в них ничего общего. В повести герои — люди и их судьбы, а в рассказе главный герой — кот, хотя и судьбы людей имеют место.

Человеком в текущей жизни все события обычно воспринимаются как случайные. И только иногда, оглянувшись назад на уже прожитую жизнь, мы замечаем закономерности.

На самом деле, все не случайно, и на первый взгляд случайная встреча может перевернуть жизнь человека, и даже домашнее животное может сыграть роль в судьбе некоторых несоизмеримо более важную, чем окружающие близкие люди.

Рассказ «Жизнь Семьи» стал серебряным призером литературного конкурса малой прозы «Триумф короткого сюжета» (Большой финал 2013).

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Для детей старше 16 лет.

© Ткаченко Е. А., 2013
ISBN 978-5-91918-295-5 © Оформление. ООО «Реноме», 2013

Содержание

ПОПУТЧИКИ
повесть

3

ЖИЗНЬ СЁМЫ
рассказ

141

Жизнь Сёмы

Дед со своими внуками видится всего два раза в год, поскольку живут они в разных городах. Каждый раз с завидным постоянством внуки задают один и тот же вопрос, особенно часто его задает уже совсем большая четырнадцатилетняя внучка:

— Дедушка, а ты расскажешь про Сёму?

И каждый раз дедушка теряется. Не знает, с чего начать и даже о чем говорить. Как рассказать про его жизнь? Ведь это жизнь не человека, и даже не кота, хотя проходила она в его образе. Дедушка давно понял, что они наблюдали жизнь удивительного существа, посланного им свыше. Уверенность в этом как раз и позволяет начинать повествование с такого бескомпромиссного утверждения. Нехорошо, конечно, называть кота человеческим именем. Но ведь это был не кот, а особенное существо, и имя пришло к нему тоже непонятно откуда и совершенно естественно.

Пять лет назад Сёма посчитал, что выполнил свою задачу среди людей и ушел, оставив их, людей, в грусти и растерянности. Они вдруг поняли, что только чужие могли видеть в нем кота, а для них это было неповторимое существо в образе кота, существо мудрое

и даже, не побоюсь сказать, духовное. Уход Семьи представляется порой даже несоизмеримым с уходом в жизнь вечную близкого человека.

Приход его в человеческую семью был банальным и даже классическим. Да и семью эту можно, хотя бы по составу, назвать полной и тоже классической: папа, мама, дочь и сын. Шел 1995 год, когда дочь еще не была мамой, а папа дедушкой. Год, когда все семьи и все люди страны продолжали проходить тяжелое испытание. Власть, улыбаясь с экранов телевизоров лицами, с трудом уместающимися в ширину экрана, объясняла народу, что он, народ, заболел, и они его лечат. Вот только название лечения странное — шоковая терапия. А их, мол, лечить не надо, потому что они сами доктора, а еще они здоровые-прездоровые и это здоровье, выпирающее с экранов телевизоров, невозможно не заметить.

От такой терапии государство разваливалось, разваливались в нем и многие семьи. Эта семья исключением не была и тоже находилась на грани развала. Папа и мама на трудности смотрели по-разному и были в постоянном конфликте. Тяжелое время резко и безжалостно высветило их несовместимость, их природную инаковость. Держали только дети. Разбежаться легко, а что ждет их дочь-студентку и сына-школьника, когда будущее страны в тумане и каждый день проходит в борьбе за добычу копейки и хлеба насущного?

Семья была в том кризисе, который долго длиться не может. Это чувствовали даже дети, и все интуитивно пытались остановить крушение.

Как-то к папе на работе подошел сотрудник и сказал:

— Ты знаешь, у меня сиамская кошка принесла пятерых котят. Я хочу тебе одного подарить. Приезжай завтра к семи. Вот адрес, — и он подал папе листок.

Папа взял его и сказал:

— Спасибо, приеду.

Именно отсюда начинаются странности. Ведь сотрудник даже не спросил, нужен ли папе кот, он почему-то не сомневался, что нужен. А папа не стал даже что-то выяснять, уточнять или отказываться. Безропотно согласился.

Вечером на следующий день в прихожей квартиры папиного сотрудника можно было наблюдать любопытную картину. Спинами к входной двери, на коленках, полукругом, склонив в почтительном поклоне головы, стояли четыре разновеликие фигуры. В метре от них копошились, трогательно попискивая, пятеро котят. Глазки у них только что прорезались. Котята еще совсем не ориентировались в этом мире и ползли кто куда. Гостям разрешили выбрать любого. Вот они и выбирали, а больше любовались и умилялись, причем очень тихо, шепотом, не делая резких движений. Поведением гостей управляла изящная мама-кошка, сидящая в царственной позе рядом с детками и постоянно оценивающая строгим взглядом поведение гостей. Понятно без слов, что с такой дамой не забалуешь.

Хозяйка расползающихся котят время от времени собирала их в кучку, кошка, слегка напрягаясь, ей это позволяла, но котята тут же начинали расползаться опять в разные стороны. После того как она проделала эту процедуру в третий раз, гости заметили, что один

и тот же котенок, как бы его ни повернули, с завидным упорством разворачивается и отчаянно ползет в их сторону. Наконец, хозяйка спросила:

— Ну что, выбрали?

— Да! — ответили гости почти хором. — Берем этого, который все время ползет к нам.

Хоть у него и кривой хвостик, но ведь он нас выбрал.

— Хорошо, — сказала хозяйка. — Сейчас закрою в комнате кошку, и вы заберете котенка, а то она не позволит.

Мама спрятала котенка на груди под пальто: на улице было холодно. Семья вышла на лестницу и дала волю переполняющим ее эмоциям. Все хором и громко загалдели радостными голосами и вмиг сбежали по лестнице к своей машине.

Папа, получив наставление от мамы в том, что везем ребенка и ехать надо аккуратно, выслушал с пониманием и не возражал. Души всех были переполнены любовью к малышу.

Ехали почти час. Все это время семья была в радостном возбуждении, и каждый говорил свое. Молчал только папа, стараясь ехать так, чтобы трясло поменьше. Мама с дочкой обсуждали важные вопросы кормления, горшка и сна. Сын, придумав очередную игру, в которую будет играть с котенком, тут же громко начинал рассказывать всем. Мама строго смотрела на него и шипела: «Раз-бу-дишь». Сын осекался, но через пару минут все повторялось снова.

При подъезде к дому котенок неожиданно подал голос и всех испугал. Из-под пальто у мамы вырвался

отчаянный вопль: «Ма-а-а-а-а-а-а!!!» Она в панике рванула на груди пальто, испугавшись, что котенок задыхается. Нет, все оказалось хорошо. Просто это было последнее «ма», которое котенок послал своей маме и братьям с сестрами, как бы «прощайте!». Больше он о них не вспоминал, став полноправным членом семьи.

Мама нежно поставила котенка на пол в прихожей, и все замерли, наблюдая за ним. Котик забавно и неуклюже посеменил на кухню, волнуясь и ища чего-то. Потом, вероятно, не найдя того, что искал, сел под столом и напрудил громадную лужу, никак не совместимую с его микроскопическими размерами. Вот и у таких малюток не только нервы, но уже и понимание, что где ни попадя в туалет ходить нельзя, поэтому так волновался и искал.

Только тут все спохватились, что переполненные эмоциями совсем забыли о его естественных физиологических потребностях и не показали место, где это нужно делать. Открыли туалет, поставили туда голый пластмассовый подносик и, перебивая друг друга, совсем как большому мальчику, хором стали объяснять, что это его туалет и ходить надо сюда. Котик немного полазил по подносу и побежал знакомиться с новым домом. Удивительно, но эта кроха все поняла, и второго объяснения не потребовалось.

Конечно, для малыша было давно приготовлено жирное молочко. Мама уже стояла у плиты и варила жиденькую манную кашку. Папа принес коробку из-под обуви, постелил в нее свой старый шерстяной джемпер, постоял, подумал и сказал:

— Нет, ему так будет холодно.

Открыл ящик шкафа и достал оттуда электрическую грелку. Подсунул ее под джемпер, подключил, отрегулировал температуру и, довольный собой, пошел на кухню. Там на коленках перед котиком стояли мама и дочь, пытаясь кормить его через соску. Малыш ротик открывать не желал и отчаянно мотал головой.

— Мама, пусть сам попробует из блюдечка, — сказала дочка.

Поставили блюдечко. Котик тут же сунул туда мордочку, поперхнулся кашкой и отчаянно зачихал. Все немного запаниковали: как накормить? Ведь он до сих пор знал только мамину сисю. Мама в задумчивости стала пальцем мешать кашку в блюдце, а малыш вдруг взял да и лизнул пальчик, и еще, и еще, и не поперхнулся. Так был открыт способ кормления.

— А как мы его назовем? — неожиданно спросил папа.

Не успели подумать, как дочка воскликнула:

— Ну что вы! Это же Сёма!

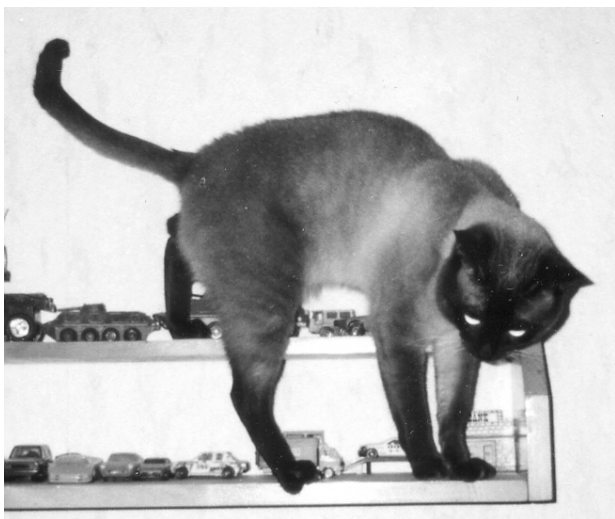
Все смотрели на маленький, такой уже родной, живой лохматый комочек, жадно слизывающий кашку с пальчика мамы, и видели в нем Сёму, и только Сёму.

Папа в нетерпении дождался окончания кормления, взял котенка на руки:

— Все! Сёма устал, ему пора спать.

Поносил малыша какое-то время по квартире, укачивая на руках, и потом уложил в своей спальне в приготовленную коробочку.

Было все так естественно, что никто и не заметил, что с появлением этого маленького существа резко

изменилась атмосфера в семье, в доме, будто по мановению волшебной палочки воцарились здесь любовь и терпимость.

Этим вечером уgomонились очень поздно, папа с трудом отгонял домочадцев от Сёминой коробки и, наконец, разогнав всех по кроватям, выключил свет и лег сам. Только лег, как сразу почувствовал небольшое натяжение простыни под рукой, посмотрел вниз. Котенок, цепляясь за простыню своими острыми коготочками, медленно, как верхолаз, взбирался к нему на кровать. Папа помог малышу. Тот подлез к нему под бок и тут же уснул. Пришла мама из соседней комнаты:

— Подвинься, я тоже буду спать здесь. Без меня ты малыша раздавишь.

Так они вместе и спали целых полгода, пока Сёма не вырос. Ночью он просыпался несколько раз, носился под одеялом между родителями, кусался, дрыгался своими мягкими лапками и, когда утомлялся, снова засыпал. Потом, когда вырос, в течение ночи любил бывать в гостях у каждого члена семьи.

Каким-то невероятным образом Сёма насквозь видел человека и глубоко понимал каждого. Обмануть его было невозможно. Честных и искренних людей распознавал сразу и демонстрировал им свое расположение.

В семье он тут же безошибочно всех расставил по своим местам и определил свое поведение по отношению к каждому. Сразу выделил папу как главного. Тот много работал, домой приходил поздно. То, что он идет с работы, всегда знали заранее, минут за пять до его прихода Сёма уже сидел у входной двери, подняв ушки и в нетерпении перебирая передними лапками. А дальше был длительный ритуал общения с папой, который повторялся изо дня в день и из года в год.

Папа входил, а кот терпеливо ждал, когда он снимет куртку и ботинки. Потом подходил и просился на ручки, становился на задние лапы и протягивал вверх передние, как это делают маленькие дети. Но папа не торопился брать сынка на руки. С любовью глядя на него, он просил:

— Сёма, скажи «ма».

Тот каждый раз задумывался, будто припоминая что-то. И только когда в прихожей раздавалось протяжное «м-а-а», папа брал его на руки и, посадив на плечо, начинал ходить по квартире. Сёма жмурился

от счастья, своим ухом отчаянно терся о папино ухо, время от времени утыкаясь в него своим мокрым носом и громко мурча. На лице папы читалось умиротворение и блаженство. Потом папа садился ужинать, но ритуал общения продолжался. Сёма в это время всегда шел на горшок. Дальше ритуал проходил с цирковыми элементами, а потому частенько при сем действии присутствовали и зрители. Кот, пописав в свой горшок, там же, в туалете, занимал положение низкого старта и вылетал в длинный девятиметровый коридор, как из катапульти, несясь по нему с лошадиным топотом в дальнюю комнату. Там сходу залетал наверх ковра, делал дорожку по верхней кромке и, зависнув на когтях передних лап, начинал вопить, звать папу. В это время папа, как правило, с аппетитом ел. Он вставал, шел в комнату, со странной нежностью делал котенку выговор, осторожно снимал с ковра, потом вдруг хвалил и возвращался на кухню. На этом ритуал встречи папы заканчивался.

Маме Сёма определил четкую роль кормилицы, причем голоса никогда не подавал. Пытался общаться с ней на телепатическом уровне, и это получалось, и почему-то считалось естественным и нормальным. Когда хотел есть, на кухню он не шел, а грациозно шествовал. Подходил к своим площадкам и молча садился рядом. Почему-то никого не удивляло, что Сёме необходимо предлагать не менее трех блюд и обязательно в разной посуде. Все он никогда не ел, как бы голоден ни был. Вел себя всегда несуетно и интеллигентно. Подойдет к первой площадке понюхает, подумает, пару раз лениво копнет линолеум у площадки передней лапой,

перейдет ко второй, понюхает, подумает, присядет, немного съест. Потом встанет на все лапы, опять подумает, посмотрит на свои площадки, передней лапой изобразит, что все закопал, уйдет за дверь кухни и только там помоеет свою мордочку. Иногда, правда, ему хотелось съесть что-то определенное. Где это «что-то» лежит, он четко знал. Голоса, как всегда, не подавал, а подходил к нужной тумбочке и лапкой несколько раз оттягивал и отпускал дверцу, она при этом стучала, а он садился и ждал. На стук прибежала мама и выполняла просьбу Сёмы.

Удивительным образом он понимал, что на общем кухонном столе ему есть не полагается, и за всю жизнь ни разу не посягнул на пищу людей. Иногда сидел за столом вместе со всеми, любопытствовал, становился лапками на край стола, созерцал, водил носом, но этим все и ограничивалось.

С дочерью нежничал, мурлыкал, обнимался, позволял себя бесконечно тискать и гладить.

К сыну относился по-мальчишески. Выслеживал, нападал из-за угла, провоцировал на беготню и борьбу, всегда изображая из себя разъяренного леопарда. Демонстрировал свои страшные клыки и когти, которые действительно были в два раза крупнее клыков и когтей обычных котов, и странным образом сын за все годы не получил от брата ни единой царапинки. Любимая его игра — уложить брата вечером спать. Как только сын начинал разбирать кровать, в комнате появлялся кот, тут же бросался под пододеяльник и начинал отчаянно кувыркаться, сбивая постель в невообразимый ком. Радостная и смешная разборка у

мальчишек продолжалась иногда минут 15. Наконец, Сёма позволял себя успокоить, прекращал возню, прыгивал с кровати и, довольный собой, удалялся, подняв свечой свой кривой хвост.

Это существо по имени Сёма оказывало благотворное влияние на всех людей, с которыми общалось, и даже на тех, которым вынуждено было преподнести жесткий урок. Большинство из них, познакомившись с Сёмой, понимали, что это не совсем обычный кот, и вели себя соответственно, почти как с человеком. Слабые натуры, видя в Сёме интеллигентность, независимость и абсолютное бесстрашие, боялись его и даже заискивали перед ним. Первый жесткий урок человеку Сёма вынужден был преподнести тестю, причем в совсем молодом шестимесячном возрасте. Тесть с тещей были людьми абсолютно разными. Она — искренняя, сердечная, добрая. Он — искренностью не отличался и имел явные фарисейские наклонности.

Конечно, они приезжали в гости к внукам и, конечно, Сёма тут же полюбил и признал тещу. Однажды сидели в гостиной. Сёму тесть взял на руки и, посадив к себе на колени, начал гладить и хвалить. Кот был насторожен и напряжен. Мы еще не до конца понимали, насколько Сёма, в отличие от людей, хорошо видел внутреннюю суть человека и, несмотря на глажение и елей славословия, изливаемый в его адрес тестем, ощущал от него опасность для себя.

Решили идти пить чай. Все встали и пошли на кухню. Тесть замешкался. Только стали рассаживаться, из гостиной его вопль:

— А-а-а-а-а!

Все бегут в комнату. Тесть сидит как сидел, но двумя руками держится за ногу, из которой течет кровь на тапок. В метре от него на цыпочках стоит Сёма, подняв на загривке шерсть и не спуская строгого взгляда с гостя.

Теща с дочкой бросились приводить тестя в чувство: тот боялся крови и даже от укула иногда падал в обморок. Папа взял котенка на руки и, успокаивая его, унес в другую комнату.

Оказывается, когда все вышли и никто не видел, тесть резким махом руки грубо сбросил Сёму на пол.

История эта имела продолжение. Когда теща с тестем приезжали, то, конечно, Сёма их встречал. Первой заходила всегда теща, брала Сёму на руки, и они радостно обнимались. Только после этого в двери появлялась робкая фигура тестя. Говорить он начинал еще за дверью голосом, срывающимся от волнения, и речь всегда начиналась со слов:

— Сёмочка! Славный котик! Можно к тебе в гости?

В это же время папа начал строить дом на своей даче и часто брал Сёму на стройку. Езду в машине и дачу Сёма полюбил сразу и навсегда. Там он окончательно утвердился как некое существо, а совсем не кот. Громадные местные коты, абсолютно бесстрашные, Сёму почему-то опасались и его территорию старались не нарушать. Сёма не боялся никого, в том числе и собак, и проходил мимо них, как мимо забора, не замечая. Странное дело, собаки тоже были к нему равнодушны, должно быть, не видели в нем кота. Папа строил, а Сёма занимался своими делами: гонялся за бабочками, гулял по участку, грелся на солнышке. Иногда прибежал

к папе удостовериться, что он на месте и чтобы тот его погладил и похвалил.

Время шло. Дочь окончила институт, вышла замуж, уехала жить в другой город и сразу родила деток-погодок, девочку и мальчика. Папа превратился в деда, а Сёма, не ведая того, стал дядей.

Как только малыши подросли, девочке — два, а мальчику — год, дочь тут же привезла детей на лето к родителям. Все были очень рады, но и сильно беспокоились, как Сёма примет малышей. Беспокоились зря. Он сразу понял, что малыши — члены его семьи, и определил себе роль старшего, роль покровителя и защитника.

Как это ни странно, дети, в отличие от взрослых, это тоже сразу поняли. Каждую ночь Сёма приходил в постели детей проверить, как они, и полежать рядом. Матери его гнали, он не возражал, уходил, но на следующую ночь его снова находили в постелях детей.

Что там Сёма нашептал детям, неизвестно, но они единственные не видели в нем никакой опасности для себя и считали и считают, кстати, до сих пор его самым добрым и безобидным существом на свете.

Любимая игра годовалого внука как истового мальчишки — бегать за Сёмой и с визгом охаживать его по горбине машинкой или палкой. Сёма никуда не убегал, это было ниже его достоинства, он шествовал, стоически принимая удары, правда, иногда прогибаясь до пола. Матери пугались, подбегали, хватали обоих. На лапе у Сёмы задирали коготь и показывали внуку, какой он большой и страшный, потом задирали на морде губу и демонстрировали клык, который, и правда, походил на клык маленького саблезубого

тигра. Внук каждый раз слушал, смотрел, а на лице ясно читалось неверие. Определенно он знал то, чего мы, взрослые, знать не могли.

Внучка строила свои отношения с Сёмой иначе. Подходила, брала его под передние лапы и волоком тащила в детскую кроватку. Там укладывала, пыталась надеть ночной чепчик, укрыть одеялом. Сёма и здесь не сопротивлялся, безропотно играл роль ляли.

Папа наблюдал это со стороны и ничего не понимал. Ведь ему, Сёме, это не должно было быть интересным. И откуда в этой маленькой лохматой головке и этой душе такие понимание, мудрость и безграничная терпимость? Терпимости в такой степени у котов папе наблюдать не приходилось, да, кстати, и у людей тоже.

Однажды в семье случилось событие, которое, наконец, полностью успокоило взрослых, и они перестали бояться за детей. Как-то вечером пришли гости — дядя и тетя — друзья мамы с папой. Конечно, они радостно и шумно начали возиться с внуками. Сёма был вместе со всеми в комнате, сидел на полу и не спускал глаз с гостей. Папа заметил напряжение кота и стал наблюдать за ним. Когда дядя подбросил внука под потолок, а тот завизжал, Сёма резко напрягся, свирепо сверкнул глазами и начал медленно занимать позу тигра, готовящегося к прыжку. Из груди его раздался грозный рык. Папа крикнул гостю:

— Отпусти ребенка!

Кинулся наперерез, успел схватить на руки гудящего и упирающегося всеми лапами кота и унес его в другую комнату. Там Сёма дал волю эмоциям, рвался назад, кидался на дверь, «кричал» на папу, чтобы он ее

открыл. Все было понятно: Сёма почувствовал опасность для детей и бросился на их защиту. Гости сразу стали тихими, говорили почти шепотом и быстро собрались домой.

Каждую зиму внуки у себя дома вспоминали друга-Сёму, а перед сном часто просили дочь-маму рассказать им про маленького Сёму. Они с нетерпением ждали следующего лета, встречи с другом.

Их папа-зять много работал, и внуки лето проводили без него, но однажды, будучи в командировке, он заехал на денек навестить детей. Зять не любил котов и не отличался сентиментальностью. Внешне казался строгим и неприступным. Сёма, конечно, рванулся знакомиться, для этого он должен был понюхать ухо гостя. Кота посадили ему на плечо. Зять напряженно и даже где-то брезгливо косил глазом на него, а тот с деловым видом сунул нос в его ухо и начал что-то вынюхивать. Тишина. Все вокруг стояли и напряженно чего-то ждали. Вдруг Сёма резко отстранился и на мгновение замер, должно быть, понял что-то важное для себя. Потом вдруг громко замурчал и начал тереться своим ухом об ухо зятя. Тот мгновенно растаял, заходил по коридору и начал в ответ гладить кота и говорить ему ласковые слова.

Папа, наблюдая эту сцену со стороны, понял, что Сёма невероятным образом, никогда не встречаясь с зятем, безошибочно признал в нем близкого родственника и даже его верховенство над собой. Кстати, зять оказался единственным мужчиной, не находящимся в постоянном круге общения Сёмы, которому он признался в любви.

Сёмы давно нет, но зять его вспоминает с неизменной теплотой, а когда дети начинают просить завести кота, он говорит им одно и то же:

— Согласен. Если найдете такого же, как Сёма.

Ответ ясный и точный, ведь дети знают, что такого найти невозможно. Искать бесполезно. Оказывается, когда это жизненно нужно, такого присылает, наверное, Бог.

Сын окончил школу и поступил в институт. В доме стали появляться его новые студенческие друзья. Сёма с каждым знакомился индивидуально, и каждый заранее был проинформирован сыном с ритуалом знакомства. А проходил он так: открывается входная дверь и робко входит этакий детина под метр девяносто в красивом длинном плаще, например, говорит всем «здравствуйте», тут же к нему подбегает с деловым видом Сёма, цепляется когтями передних лап за плащ и не торопясь, как монтер на столб, лезет вверх. Сёму интересует ухо гостя. Добравшись до него, он устраивается на плече и некоторое время, сунув нос в ухо, нюхает. Наверное, так Сёма считывал только ему ведомую информацию с человека. Ритуал знакомства на этом заканчивался, и сын снимал кота с плеча гостя.

Может, ритуал, а может, яркая индивидуальность, интеллигентность и независимость Сёмы заставляли всех друзей сына искренне уважать его, признавать равным и общались с ним как с приятелем. Такое отношение к себе он, видно, ценил и, когда в доме собиралась компания мальчишек, всегда был среди них. Терпел их молодой гомон, крики и даже слушал вместе со всеми тяжелый рок, правда, прижав уши

плотно к голове. Это испытание не всегда удавалось выдержать, тогда он резко вставал, кричал негодуя «Ма-а-а!», потом тряс головой и выбегал из комнаты. В институте, где сын учился, Сёму знали все. Он был постоянной темой разговоров, причем говорили о нем всегда как о приятеле и даже иногда спорили, к кому он лучше относится.

Время продолжало свой бег. Внуки выросли и летом стали предпочитать познание этого большого мира встречам с другом детства. Эти встречи они откладывали на потом. Они еще не знали, как быстро бежит время, и что их встреча уже не состоится.

Сын выучился и уехал работать в другой город. Папа и мама, наконец, разошлись, и Сёма сразу заболел. Стал кашлять, задыхаться и худеть. В клинике сказали, что кот обречен, лечить отказались, но выписали лекарство.

Папа пытался лечить кота сам. Сёма все понимал и мужественно терпел уколы, которые папа делал в его костистое бедро.

Летом они жили на любимой Сёминой даче. Часть дня Сёма лежал на солнышке, на крыльце, а остальное время проводил у масляной батареи на шерстяной подстилке. Ел всего раз в день, и только филе свежего речного окуня. Окуней папа через день специально ходил ловить на речку.

Ушел Сёма тихо и спокойно, как будто уснул, накрыв лапкой свою мордочку. Когда папа понял, что Сёма ушел навсегда, то долго-долго стоял посреди комнаты в растерянности. К нему только подступало понимание того, что остался он совсем один, что в эту

минуту его покинуло, может, последнее существо на свете, беззаветно любившее его.

Он вышел на улицу, взял лопату, пошел к сосне, где давно присмотрел место будущего упокоения друга, и выкопал глубокую яму. Потом, как во сне, машинально выполнил все необходимые процедуры. Поставил на холмик давно приготовленный гладкий розовый камень, и в этот момент перехватило дыхание, он бросил лопату и пошел в дом. Глянул на батарею и пустую подстилку рядом. Сжалось горло, брызнули слезы из глаз... Этот большой и сильный дядя, который никогда не плакал, покачиваясь из стороны в сторону, рыдал и выл во весь голос, размазывая по щекам слезы.

Попутчики

Посвящается светлой памяти Александра Трофимовича Шафора, учителя, прожившего всю жизнь в потоке идеологических экспериментов, шедшего в фарватере их, но не потерявшего при этом здравого смысла и способности объективно оценивать действительность.

В жаркий июньский день по перрону Витебского вокзала вдоль состава, на вагонах которого висели таблички Ленинград—Киев, спортивным шагом, иногда сбиваясь на бег, шел молодой мужчина в джинсовом костюме. Его правую руку оттягивала большая спортивная сумка, а в левой он держал билет. У шестого вагона, не дойдя десятка шагов до проводника, остановился, поставил на перрон сумку, огляделся и, тихо сказав: «Слава Богу, успел», уже медленно, никуда не торопясь, достал из кармана носовой платок и тщательно вытер лицо и шею.

Проводница, пышная молоденькая женщина, с улыбкой наблюдала за ним. Увидев резкое изменение поведения пассажира, крикнула:

— Красавец! Так вы едете или не едете? Я закрываю дверь вагона!

В повести использованы воспоминания А. Т. Шафора.

Мужчина улыбнулся в ответ и со словами: «Еду, еду», подхватив свою сумку, подошел к проводнице и подал билет:

— Здравствуйте! С вами хоть на край света.

Она смеющимися глазками стрельнула на его запаренное красное лицо:

— Здравствуйте! Ваше место 11... Без жены-то какие мы смелые да горячие! Проходите, через минуту отправляемся.

— А вдруг я холостой? — парировал мужчина, проходя в вагон.

— Вот именно, вдруг! — ударило его по затылку задорное восклицание проводницы, заставив прекратить разговор и начать движение по коридору вагона в сторону своего купе.

Мужчину звали Вячеслав. Находился он в интересном возрасте, хотя по-своему интересен всякий возраст человека. Ему 38 — время расцвета. Физических сил еще навалом, голова соображает прекрасно, да и опыт жизненный подкоплен настолько, что позволяет уже иметь собственную и вполне обоснованную точку зрения на многие явления этой жизни. Он действительно был женат и даже имел двух детей. В этот день, 7 июня 1985 года, ехал Слава в командировку в Киевский филиал Ленинградского института, в котором он работал. Ездил туда часто, это были его самые любимые командировки, особенно летом. Вот и сейчас Слава ехал с радостью, хоть и пришлось перенести отпуск на целый месяц. Опаздывал на поезд потому, что с утра заехал на работу и, как всегда, в самый неподходящий момент нашлись неотложные дела. Обсуждая командировку с заведующим лабораторией, пришли к вы-

воду, что в следующую навигацию придется поработать на Днепре не менее месяца.

Мог ли Вячеслав тогда подумать, что следующая поездка в такой любимый им Киев состоится только через 26 лет, и город этот будет уже столицей суверенного государства, и поедет он туда обычным пенсионером в гости к сыну, работнику российского торгпредства. В следующем году случится Чернобыль, а еще через четыре развалится СССР.

Поезд тронулся, слегка дернув состав, и в этот момент Вячеслав ввалился в проем двери своего купе. Трое мужчин, сидящих на нижних полках, одновременно уставились на него. Все улыбались и смотрели доброжелательно. Слава понял, что что-то обсуждали, и это было каким-то образом связано с ним.

— Здравствуйте, — поприветствовал он попутчиков. После ответных приветствий огляделся и, увидев на верхней полке свободное место, поставил туда сумку, с явным удовольствием снял куртку и повесил ее на крючок. Потом, сев на лавку у двери, достал носовой платок, снова вытер пот с лица и с любопытством одним взглядом «сфотографировал» своих спутников. Все были старше его. Напротив, у окна, сидел самый старый, волосы на голове и короткая борода абсолютно седые, сам высокий и худой, на узком носу с горбинкой очки. Вид очень интеллигентный, строгий и в то же время удивительно располагающий к себе. Рядом со стариком сидел, откинувшись на спинку, мужчина лет пятидесяти, являющий собой полную противоположность соседу. Роста невысокого, весь круглый, как будто накачанный воздухом, белая футболка с короткими рукавами явно мала и натянута на туловище

так плотно, что подчеркивала все выпуклости тела, зато иностранная, со светло-коричневым фрагментом европейского города и двумя латинскими буквами на груди. На голове ежик, гладко выбрит, на лице добродушная улыбка, глаза бесцеремонно рассматривают Славу.

— А мы тут вас обсуждали, — медленно произнес круглый.

— Как же это было возможно, — возразил Слава.

— Да не вас, конечно. Гадали, кто займет ваше место. Вас как раз и не угадали. Сначала ждали даму, а потом решили, что поедем втроем. Вы до конца, до Киева?

— Да, до Киева.

— В отпуск?

— Да нет. В командировку.

— А я вот в отпуск. И как-то совсем не верится, что летом кто-то работает. И зачем? Ведь толку от нашей работы никакого. Работаем, работаем, а только все хуже. Продукты покупаем на производстве, а не в магазинах, причем в наборах как по карточкам, а магазины везде пустые стоят. Вот ведь и костюмчиков, как у вас, мы не шьем... Где купили?

— В Польше.

— Ну вот, о чем я и говорю!

— Это временное явление. Мы сегодня выполняем интернациональный долг в Афганистане, и пояски надо на время подтянуть... Это нормально.

Включился в разговор сосед Славы справа, мужчина в чем-то очень похожий на старика, такой же высокий и худой, но как-то грубее сработан, с глубокими морщинами и натруженными узловатыми руками, возрас- том за пятьдесят. Круглый аж подскочил:

— Да сколько же можно жить как скотам, да еще и всегда находятся оправдывающие это скотство. Что нам делать в том Афганистане? Своих, проблем мало? Сколько помню себя на белом свете только и заняты мы подтягиванием поясков.

Сосед справа напрягся, набычился и резко произнес:

— Глядя на вас, этого не скажешь.

Лицо круглого начало багроветь. Запахло порохом. Но тут раздался тихий спокойный голос старика:

— Ну что вы, милые мои, не горячитесь! Не хватало нам еще здесь разругаться, а то и подраться. Давайте с уважением относиться друг к другу. Разное понимание жизни не должно быть поводом агрессии... Успокойтесь. Предлагаю для начала познакомиться. Я вижу, что Господь собрал в этом купе интересный коллектив, и мы должны использовать это обстоятельство на пользу каждому и на радость.

— Какой еще такой Господь? — возмутился сосед Славы.

— А кто же нас собрал в этом купе? Может вы? А может, это случайно? Я бы не задавал таких вопросов, если бы был в окружении юношей, ведь они еще не понимают закономерностей всего в этом мире. Но вы-то, уже немало прожившие, должны знать, что ничего случайного в этой жизни нет, все закономерно.

Опять сосед своим резким голосом:

— Нет! Мы здесь встретились случайно! Переубеждать меня, например, не надо.

— Хорошо, хорошо. Не буду. Начну с себя. Звать меня Александр Тимофеевич, в прошлом учитель, директор школы, а еще раньше, в 30-х годах, свидетель, а где-то косвенно и участник коллективизации

и индустриализации. Участник войны, насаженный в рукопашной немцем на штык, но, как видите, выживший. Еду навестить дочь.

Александр Тимофеевич выразительно посмотрел на своего соседа:

— Представьтесь, пожалуйста?

Круглый потихоньку сдувался, цвет лица приходил в норму. Хмыкнул, пустил глазами в сторону славинового соседа последний, уже совсем слабенький разряд молнии и начал:

— Олег Иванович, начальник технологического бюро. В коллективизации и войне не участвовал. Вот только не пойму, зачем мы миллионы жизней положили на все это, если живем хуже тех, у кого коллективизаций не было, и которые войну проиграли.

— Мы первые в космосе! У нас лучшие в мире подводные лодки! — опять вскинулся все еще не остывший сосед Вячеслава.

— Ракету на хлеб не намажешь и в подводной лодке жить не будешь, — уже спокойно парировал Олег Иванович.

— Ну что вы, что вы, успокойтесь, в конце концов, — осадил своим тихим голосом спорщиков Александр Тимофеевич.

— Представьтесь и вы, пожалуйста, — обратился он к оппоненту Олега Ивановича.

Тот глубоко вздохнул и, изо всей силы изображая спокойствие, заговорил:

— Звать меня Александр Иванович. Еду в санаторий, по путевке. Болезни стали одолевать. А работаю мастером в сборочном цеху завода «Ленподъемтранс-маш», что у метро «Балтийская».

— Спасибо, — молвил Александр Тимофеевич и перевел свой взгляд на Славу: — Ваша очередь, молодой человек.

Молодой человек представляться не торопился. Он невольно держал паузу, непонятную для всех и незаметную для него. В это мгновение Слава остро почувствовал необъяснимую добрую силу, исходящую от этого тихого старика, и удивился тому, что этой силе почему-то хочется подчиняться. Мысли его отлетели от компании. Он душой своей некоторое время летал в пространстве, осмысливая сложившуюся ситуацию, и вернулся в купе только тогда, когда после каждой родившейся мысли сформировался четкий вопросительный знак.

— Слава, — тряхнув головой, начал вернувшийся в свое тело Вячеслав. Тут же Александр Тимофеевич поднял руку, приостановив его.

— Ну что вы, что вы, дорогой! Только по имени и отчеству!

— Но ведь я в компании самый молодой!

— Какая разница, тем более вы давно не мальчик.

— Хорошо. Вячеслав Анатольевич, старший инженер Института водного транспорта. Женат. Двое детей. Еду в командировку. Что еще?

— Для начала достаточно, — сказал удовлетворенно Александр Тимофеевич.

— Нет, — возразил Олег Иванович, — про любовниц ничего не рассказывайте.

В купе смех. В одно мгновение все расслабились, и тут же спало напряжение от неожиданно возникшего конфликта.

— Олег Иванович! О любовницах только на исповеди, — не удержался Слава.

— Ба!!! Да мы еще и верующие! Такая гремучая смесь! И причем в одном купе! Вы, Александр Тимофеевич, пожалуй, правы. Случайно такая компания собраться не может.

— Ну вот, друзья, мы и знакомы. Теперь можно поговорить. Тем более что у нас, как мне кажется, пропало желание бросаться тапками, а появился здоровый искренний интерес друг к другу, — подвел черту Александр Тимофеевич.

Освещая все пространство вокруг себя улыбкой, в купе вплыла проводница:

— Ваши билеты, пожалуйста!

Все засуетились, шаря в карманах. Только Александр Тимофеевич спокойно подвинул по столику свой уже приготовленный билет и спросил:

— Сударыня, а чай у нас будет?

Она засмеялась:

— Дедушка, проснитесь! Царские времена, наверное, снятся.

Александр Тимофеевич кротко улыбнулся:

— А как же вас величать? Женщина, товарищ, девушка, проводник, может, мадам? Согласитесь — сударыня определенно лучше, хотя самое лучшее назвать свое имя.

— Олей меня звать, — продолжая улыбаться и на мгновение опустив глаза, произнесла она бархатным голосом.

Купе наполнилось звуками, выражающими общий восторг. Ведь все невольно предполагали именно это имя. Только оно одно полностью соответствовало внешности проводницы.

— Так как же насчет чая? — вернулся к своему вопросу «дедушка из царских времен».

— Будет! Вот соберу билеты и принесу! — сказала Оля, сверкнула глазками, улыбнулась и выкатилась в проем двери.

На некоторое время установилась тишина. Видно, все почувствовали одно и то же и загрустили. Улыбающаяся, задорная, добрая женщина всегда несет с собой свет. Она ушла, и мир вокруг всех мгновенно стал серым.

Первым очнулся Олег Иванович:

— Что-то уши стали пухнуть, часа два не курил. Кто составит компанию?

— Я, — тут же отозвался Александр Иванович и начал шарить в сумке в поисках сигарет.

— Да не ищите! Я угощаю.

— Нет! Что вы! Я курю только свои.

Вредность курения без сомнения относительна. Все зависит от того, с какой стороны смотришь. Ведь курево не только травит человека, но и объединяет, успокаивает и даже сплавливает. Этот перекур оказался на пользу обоим. Первым по коридору вагона шел Олег Иванович, за ним вплотную высокая сутулая фигура Александра Ивановича. Они шли, а в виде прелюдии на спинах обоих уже явственно читались вина и покаяние.

Только зашли в тамбур, Олег Иванович тут же услужливо зажег зажигалку и дал прикурить.

— Александр Иванович, давай на ты и по имени, что мы, на собрании что ли?

Иванович, прикуривая:

— Конечно! Конечно! Я и сам хотел предложить.

— Скажи, Александр Тимофеевич — забавный дед, правда? Послушать его будет интересно. Да и прав он. Чего нам ругаться, можно поговорить и мирно.

— Согласен, Олег. Надо спокойно. Ты извини, я погорячился там малость.

— А я, Саша, что, лучше был? Так что мы квиты. И все же, уже без эмоций, я во многом не могу оправдывать советскую власть. Согласись, ты и сам все видишь да закрываешь глаза специально.

— Соглашусь. Но и ты согласишься, что ничего идеального не бывает и никогда не будет так, чтобы всем было хорошо. При желании в самом красивом можно наковырять худого, а в куче дерьма найти хорошее... Видишь ли, девять лет назад я получил бесплатно квартиру, дети бесплатно выучились, за садик внучки плачу копейки, и квартплата всего 12 рублей. Я детство провел в перенаселенной коммуналке, ценю, что сегодня имею, и знаю, что за бугром это сто́ит, и немало.

— Согласен с тобой, но ведь там и специалисту, такому как ты, платят в десять раз больше, и иметь все это и даже намного лучшего качества у них не накладно.

Сигареты давно погашены, а разговор продолжался.

Когда они ушли, старый молодому сразу задал вопрос:

— А вы не курите?

— Нет, не курю. Студентом за компанию начинал, но не пошло. Может, оттого, что не курит отец.

— Может, и так. А я курил, начал поздно, в войну, но уже двадцать лет не курю.

Александр Тимофеевич откинулся на спинку и прикрыл глаза. Он размышлял, и мысли его были вкрут

спутников, с которыми только что познакомился. Его вдруг пронзила мысль, что загадочным образом эти трое разновозрастных мужчин — олицетворение его самого, и даже его пути в этой жизни. Почти до семидесяти лет он был верным партийцем, после семидесяти основательно засомневался и даже начал было клониться к западным ценностям, но сейчас, когда памятью своей все чаще и чаще возвращался во времена своего детства и молодости, его стала привлекать дореволюционная Россия и православная вера. Александр Иванович и Олег Иванович были ему абсолютно понятны, особенно Александр Иванович, ведь сам только что был таким и именно так все воспринимал.

По-настоящему интересным и где-то непонятным был для него только сидящий напротив молодой человек. Не понимал Александр Тимофеевич, каким это образом такие молодые и образованные приходят вдруг к вере. Всю жизнь он считал церковь институтом ненужным для образованного человека и не сомневался в том, что он, совершенно естественно, должен умереть. И вот тебе на! Сидит напротив молодой, культурный, образованный и... верующий, даже на исповеди ходит.

Слава, созерцающая пролетающие за окном пейзажи, с нетерпением ждал возвращения курильщиков и продолжения разговора. Последнее время он потерял интерес к шумным разношерстным компаниям, но зато стал любить и ценить общение с интересными людьми. В купе ему интересны были все, но особенно заинтриговал, конечно, старик.

— Вячеслав Анатольевич, давно ли вы пришли к вере? — спросил Александр Тимофеевич.

— Совсем недавно. Всего пять лет назад, — ответил Слава так быстро, как будто ждал этого вопроса. — Пять лет как я вернулся из Польши, где был два года в командировке. Потом, уже в Ленинграде, несколько раз был на службах, беседовал со священником и, наконец, исповедовался и причастился.

— А родители ваши верующие?

— Родители атеисты, — улыбнулся Слава. — Так они про себя говорят. На самом деле, живут по-христиански.

— Так что, выходит, на ваше решение повлияла командировка?

— Выходит, так.

В этот момент курильщики, пропахшие своими сигаретами, зашли в купе и сразу навалились на Александра Тимофеевича.

— Вот мы там, в тамбуре, с Александром поговорили и решили обратиться к аксакалу, — резво начал Олег Иванович. — Александр Тимофеевич, вот вы сначала строили социализм, а потом всю жизнь учили людей, как строить. И уж вы точно коммунист. Растолкуйте нам. Это ж почему так? У них там, за бугром, безработица, а живут все хорошо, и в магазинах все есть. У нас вся страна пашет, безработных нет. Вон Александр говорит, что собирает машины на экспорт и работают они ой-е-ей как, а магазины пустые, ни жратвы, ни тряпок. По телеку каждый день битва за урожай. Каждый год вся страна садит и убирает. Куда все девается? А кстати, чему вы народ учили?

— Я — учитель истории, — тихо ответил старик.

— Во! Во! Как все красиво получается. Историк нам здесь и нужен.

Александр Тимофеевич с мягкой, как бы извиняющейся улыбкой посмотрел на своих спутников:

— Дорогие мои, я понимаю, что всем хочется получить четкий и конкретный ответ. Только я этого делать не хочу и не буду, хотел бы только вспоминать и размышлять. Может, так худо строится наша жизнь как раз потому, что советская власть всегда действовала жестко и безальтернативно, и я, кстати, всегда шел в фарватере... Реально жизнь намного сложнее, чем кажется человеку. Вы затронули тему, которая для меня последние годы самая важная и мучительная. Да, я коммунист! И всю свою активную жизнь пытался понять и оправдать действия партии. А сейчас мне порой кажется, что шел по ложному пути и делал не то. Последние три года пишу воспоминания, ведь моя жизнь полностью соответствует истории советского государства, я его и строил, и защищал. Пишу, чтобы найти ошибку. Может, ошиблись в пути? А может, и весь путь ложный?

Старика перебил Александр Иванович:

— Ясно, что коммунистическая идея правильная, только много предателей во власть пробирается, да еще завербованные диссиденты мутят воду.

Александр Тимофеевич спокойно выслушал реплику:

— Вот в этом и хорошо бы разобраться. Предлагаю построить наш разговор нестандартно. Согласны с тем, что у каждого в сердце своя история России?

Александр Тимофеевич сделал паузу, дождался, пока все вразнобой согласились, и продолжил:

— Так вот! Эту историю можно представить в виде одеяла, сшитого из лоскутков разного цвета и размера.

Причем вместо некоторых лоскутков зияют дыры. Это те моменты истории, которых мы просто не знаем, и их много, поверьте мне, историку. Есть и такие лоскутки, которые нам не нравятся, и мы их поменяли на искусственные. Вот такие одеяла мы все и палим на себя. Выглядят эти одеяла совсем по-разному, как будто это истории разных стран и под ними большинству из нас неудобно, холодно, неудобно. И нам поэтому трудно понять друг друга.

Здесь я самый старый и настоящих цветных лоскутков из нашей общей истории накопил больше всех, и, возможно, у меня много таких, которые заткнули дыры в ваших одеялах. Я бы хотел, по возможности литературно, выложить эти лоскутки перед вами. Конечно, я тоже многого не знаю. Человек копил в жизни только свой опыт, поэтому пусть каждый из вас дополнит картинку документальными фрагментами из своей жизни. Таким образом, нам удастся, наверное, починить собственные одеяла, а разговор наш может получиться почти как «Декамерон» Боккаччо. И не будем спорить, не будем пытаться переубедить друг друга, просто молча для себя сделаем выводы.

— Интересная мысль, — мгновенно отреагировал Олег Иванович.

— Действительно, может, услышу то, чего не знал. Только уж вы, Александр Тимофеевич, начнете первый! И мы готовы услышать от вас даже основательное повествование. Ведь никто из нас не жил в царские времена, а баланда-то эта как раз в то время и заварилась.

Остальные идею поддержали, а Слава от удовлетворения даже захлопал в ладоши. Александр Тимофеевич глубоко вздохнул и начал:

— Хорошо, но я не буду в своем рассказе четко придерживаться хронологии событий. Расскажу самые яркие моменты моей жизни, представлю вам самые цветные лоскутки. Десятки раз исправляя материал, запомнил все почти дословно. Так и буду рассказывать. Не возражаете?

— Нет! Нет! Что вы! Так даже интереснее, — загудели все.

— И еще! Могу предложить два варианта. Обычное повествование и вариант театральный, в лицах.

— Александр Тимофеевич! Конечно, театральный! Какой ленинградец откажется от театра! Да еще и бесплатного, — воскликнул Олег Иванович.

Все согласились с ним.

— Ну что ж. Начну издавека, со времен дореволюционных. Уверен, а как мне показалось, и вы тоже не сомневаетесь в том, что свидетельство очевидца тех давних событий важно для понимания того, что с нами сегодня происходит.

Сначала о героях моего повествования. Мы были беженцами. Мы — это моя мама Юлия Андреевна, мой семилетний брат Коля и я — четырехлетний.

Война 1914 года застала нас в маленькой деревушке Гавриловке на Волыни. По традиции земля тогда наследовалась младшим сыном. Земли у нас было мало, разделить ее было нельзя, поэтому хозяином на ней был младший брат отца. Отец мой, Тимофей Максимович Резниченко, ушел на заработки еще в прошлом году.

В конце августа мы получили от отца письмо, что он уже в действующей армии. И это было единственное и последнее известие о нем.

Война началась с мощного наступления немцев и австро-венгров. Возникла угроза захвата наших мест, и тут же появились беженцы. Моя мама решила бежать на Восток, в Сибирь, где жили ее родители.

Мамины родители в Сибирь уехали в 1907 году по программе переселения. По этой программе на каждого члена семьи мужского пола нарезалось двенадцать десятин земли, государство дало ссуду на обзаведение и обязалось первые пять лет не брать налоги.

Мамины родители жили под Новониколаевском в деревне Изыск, и к началу войны они уже там обустроились и прижились. Мы получили письмо с приглашением. Письмо, конечно, читала вся деревня, и интересно то, как всех забавляло сибирское слово ДЮЖЕ, вычитанное из письма. Его применяли к месту и не к месту, и каждый раз все хватались за животы. Дети, например, обращались друг к другу так:

— Ты что-то, Оленька, дюже серьезная ныне! — и вокруг хохот.

Надо сказать, что смешно здесь совсем другое. В нашей деревне, как и во всех западных губерниях, жили и русские, и поляки, и украинцы, и белорусы. Говорили как бы по-русски, но речь была перенасыщена словами и оборотами этих народов. В вере также смесь была невероятной. Поляки особенно почитали икону Божьей матери из Ченстохова и, кажется, совсем не меньшее почитание ее наблюдалось у православных.

Тяжелое было наше бегство. Мама моя проявила много стойкости и упорства, чтобы добраться до Си-

бири с двумя маленькими детьми. Когда мы с братом уже выросли, она нам подробно рассказала об этой эпопее:

— В дороге все попутчики уговаривали меня не ехать в Сибирь. Мол, что ты там найдешь? Мороз. Да и обузой будут дети твоим старикам. Поддалась я уговорам, и поехали мы в Ставрополь, в более теплый край. Денег нет. Ночевать не знаю где. У вокзала попросила я женщину помочь. Посмотрела она на меня, на вас и, ухватив каждого за ручонку, привела к себе. Намыла, накормила, уложила. А на завтра я уже пошла работать, мешки чинить на мельницу. Отработала две недели и все-таки решила ехать в Сибирь.

В моей детской памяти что-то удержалось из нашей жизни в Ставрополе. Во дворе мы тут же влились в ватагу мальчишек возрастом от трех до восьми лет.

Утром проснулись мы с Колей. Мамы нет. Попили молока с хлебом, оставленными хозяйкой для нас на столе, и вышли во двор, а там нас уже ждала компания мальчишек. Мы с братом смущенно оглядывались вокруг. Вся компания робко приблизилась к нам. Вдруг все по очереди стали подходить и угощать нас кто яблоком, кто сливой или грушей. Я сообразил подставить подол рубашки, который быстро стал таким тяжелым, что я его не удержал, и все мое богатство раскатилось по земле, по команде старшего ватаги подарки были собраны, и мы двинулись в поход за ворота.

Видно, старший хотел перед нами похвалиться, и повел нас очень далеко к какому-то дальнему саду. Помню, я сильно устал и очень хотел пить. Когда подошли к саду, наш старший скомандовал привал. Вдруг услышали страшный голос:

— А ну, вставай, шантрапа! Да руки за голову!

Мы приподняли головы.

— Ну, вставай! Кому говорю?

Я оказался к злему дядьке ближе всех. Сильная рука схватила меня за воротник и подняла вверх. Передо мной было черное от загара лицо, злые глаза, большущий нос и топорщащиеся из-под него громадные усы.

Эта физиономия так врезалась в мою память, что впоследствии, когда я прочитал сказку про Буратино, образ Карабаса-Барабаса в моем сознании полностью совпал с этим архаровцем, держащим меня за шиворот. Извернувшись, я ручонкой схватил его за ус и что есть силы потянул на себя. От страшной боли мой мучитель закричал и выпустил меня. Я больно шлепнулся на землю. Наш предводитель кинул горсть земли в лицо Карабасу, крикнул «бежим», и мы, откуда взялись силы, бросились врассыпную.

Эта история имела продолжение. Весть о нападении Турка на нас (так называли здесь того самого Карабаса) стала в этот же день известна всем на нашей окраине.

Вечером мы с братом были окружены особым вниманием. В моей памяти сохранились обрывки разговоров:

— Да вон, смотри, вон тот, который чуть побольше моей Наташки. Беженки нашей Юльки мальчишка. А тот, рядом с ним, тоже ее. Брательник значит. Так вот этот Турка взял мальчика за горло и давай душить. А он с умом, схватил прядку усов и выдернул. Турка вскипел, бросил мальчика на землю, а тут и остальные пацанята подскочили, засыпали глаза Турка землей и побегли.

Жалость к нам была столь всеобщей, а восхищение нашими подвигами столь значительно, что каждому хотелось материализовать это свое чувство. Во дворе

нашего дома весь вечер толпились женщины, каждая из которых принесла что-нибудь: кринку молока, яиц, творожку, краюху хлеба. Увидев нас, многие кончиками платков утирали слезившиеся глаза и шнюркали носами.

В моей детской душе что-то повернулось, из глаз покатались обильные слезы, и я громко зарыдал, остро почувствовав и боль на шее, и щемящую тоску в сердечке.

Какая-то женщина подхватила меня, завернула в фартук и стала успокаивать. Когда рыдания поутихли я, почувствовав мамины руки и запахи, тут же уснул.

На следующий день событие это продолжало свое развитие в виде приношения разных подарков. Теперь несли что-то из одежды. И все это с добрым словом, пожеланиями самого наилучшего. Удивительно, но одарили даже и маму. Кто-то, пожелавший остаться неизвестным, принес красивую длинную серую юбку и несколько белых батистовых кофточек.

Красивее, чем в те времена, женщины, мне кажется, уже никогда не одевались, и это, думаю, связано напрямую с их уровнем культуры. Должно быть, мода тогда вынуждена была удовлетворять вкусы женщин очень высокой культуры. А так называемое простонародье копировало моду господ и носило юбки до пят с красивыми батистовыми кофточками. Такая одежда подчеркивала изящество женской фигуры и делала ее настолько прекрасной, что заставляло другую часть человечества невольно преклоняться перед этим совершенством природы.

Расскажу вам еще об одном событии в Ставрополе, свидетелем которого я был.